КИРИЛЛИЦА

от возникновения до наших дней

Л. Н. Летягин
(Санкт-Петербург, Россия)

«ПУТНИК, ДВИЖИМЫЙ ГЛАГОЛОМ»: МОДЕЛИ ПОСТУПАНИЯ МЕЖДУ ЗНАКОМ И СИМВОЛОМ

Системный кризис образной структуры современного буквенного письма наглядно иллюстрируют противоречия рекламного образа. На фоне визуализации культуры этот тип массового продукта предъявляет свои критерии зрелищности, а графичность родного языка представляет в этом плане достаточно много терпения и «оперативного простора».

Рекламные практики определяются двумя приоритетными моделями — принципом *вседозволенности* (*все–делания*) Панурга (вспомним «Главу о том, как Панург положил на обе лопатки англичанина, диспутировавшего знаками») и оправдательной позицией *все–языкости* Панглоса. Классические персонажи Рабле и Вольтера незримо напутствуют современные технологии в желании удивить, привлечь, остановить внимание.

Образная идентификация рекламных объектов оказывается сориентирована на принципиально разные модели смыслоразличения буквенного письма.

Так, буква «Ъ» сегодня все более явно заявляет о новых знаковых функциях. В таких названиях, как «Коммерсантъ», «Пассажъ», «Ресторанъ», «Банкъ» она выступает критерием «высокой репутации», «знаком прочности» (основательности, стабильности), подчеркивает ориентированность на прерванную традицию и соответствие старым брендам.

Нередко, по точному определению Е. Баратынского, это «своенравное прозванье»

Чуждо точного значенья
Для меня оно — символ…

С другой стороны, (и вопреки указанной тенденции) на современных петербургских вывесках появляются надписи: «Б А Р Д Е Л Ь В И Г», «Р Е С Т О Р А Н Б А Р С У К». Сохранение в них исторической функции буквы «Ъ» как раз могло бы оградить от возникающей коммуникативной двусмысленности — устранить намеки на вероятность дополнительных услуг и каких-либо иных форм культурного обслуживания в указанных заведениях.

Нельзя обойти вниманием оксюморность смешения разных систем письма и намеренной «смысловой интеграции» алфавитов. Прежде

всего это опыты «Замещения» буквенных знаков, столь частые в современной изопродукции. Немало споров вызывает спонтанность приемов массовой адаптации кириллицы в сети Интернет (совсем не учитывающих нормативный опыт транслитерации, существовавший ранее при отправке международных телеграмм). Трудно прогнозировать, куда «вывезет» обозначившаяся перспектива культурных разночтений. В этом плане особый поучительный смысл приобретают исторические примеры, с оглядкой на которые легче интерпретировать многообразие фактов настоящего.

Профессор русской истории Платон Григорьевич Васенко со ссылкой на известного корабельного инженера Николая Александровича Субботина воспроизводит следующий примечательный эпизод.

«На рейде в Кронштадте стояла эскадра. Случайно рядом с крейсером „Рюрик“ находился военный пароход „Ижора“. Жена Александра III, Мария Федоровна, лорнируя суда и смешав русское „Р“ с французским „П“, на своем ломаном языке громогласно прочитала — „Пюпик“. „Пожалуйста, не читай громко следующего заглавия“, — поспешно сказал Александр III…»[1].

Поскольку эпизод произошел при большом стечении лиц Высочайшего двора и представителей дипломатического корпуса, вероятнее всего, это был день торжественного спуска корабля. В этом случае можно указать точную дату описываемого «инцидента» — 22 октября 1892 г. «Рюрик» — океанский крейсер нового типа, «первый из „серии крейсеров исключительно больших размеров“…» Статус события подчеркивался «высшим рангом церемонии» и был предопределен политическим фоном: «Спуск нового океанского крейсера должен был стать весомым политическим актом, подтверждением намерений России играть все более активную роль в международных делах», — свидетельствует историк российского флота Р. М. Мельников[2].

---

[1] *Васенко П. Г.* Мелочи прошлого быта. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 10–11.

[2] *Мельников Р. М.* «Рюрик» был первым. Л.: Судостроение, 1989. С. 38–39. (Замечательные корабли). Пароход «Ижора» был изготовлен на Адмиралтейских Ижорских заводах в 1824–1826 гг., его вооружение составляли 8 пушек. В XIX веке как первенец военного пароходостроения в России и «Императорская паровая яхта», приписанная к Гвардейскому экипажу, он участвовал во всех значимых военно-морских церемониалах; после 1862 г. принадлежал частному владельцу (См.: *Веселаго Ф. Ф.* Дедушка русского флота. 1688–1872 // Русская старина. 1871. Т. IV. № 11. С. 481–482; Обзор деятельности Морского управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра

Тем забавнее в этом «событийном контексте» могла показаться случайная речевая «неточность» Марии Федоровны. Для русской императрицы, датской принцессы по рождению, невольное смешение знаков кириллического и латинского алфавитов можно считать естественным и простительным. С психологической точки зрения более интересна позиция императора, реплика которого имела целью не столько предупредить возможную «неловкость», сколько акцентировала на ней внимание присутствующих, выступала провоцирующей подсказкой.

Период правления Александра III отличает подчеркнутый знаковый пуризм. Это проявлялось, в частности, в ориентированности на восстановление атрибутов и символов, укорененных в национальной истории. «Так, например, Он установил, чтобы лица Свиты, Им пожалованные, имели на эполетах и погонах вензель Его имени, исполненный славянской вязью, — свидетельствовал Н. А. Епанчин; — Он восстановил древний русский обычай иметь на знаменах Лик Спасителя, а на верху древка восьмиконечный крест…»[3].

Не оставалась вне внимания Александра III и частная рекламная инициатива. По свидетельству графа С. Д. Шереметева, император <…> из окна своего кабинета в Аничковом дворце «любил <…> рассматривать проходящих и едущих по Невскому и делал свои замечания. Он следил за переменою вывесок и магазинов и осенью [*после возвращения из Ливадии — Л. Л.*] всегда сообщал об этих переменах…»[4].

Невский проспект — витрина столичной жизни. В оценке известного французского путешественника проф. К. Мармье (1842 г.), «Здесь особо проявляется космополитический характер города <…>: пестрые вывески с надписями на всех языках, французские, немецкие и английские книжные лавки, пять церквей пяти разных конфессий…»[5].

Хорошо известно определение А. Дюма, который называл Невский проспект «*Rue de tolerance*». Его точку зрения уточняет Теофиль Готье, побывавший в Петербурге в том же году: «Если Невский проспект красив, то

Николаевича. 1855–1880. СПб., 1880. Ч. I. С. 411; *Смирнов. Г., Смирнов В.* Корабли сильные, увертливые и легкие, как птица… / Под ред. адмир. Н. Н. Амелько; конс. И. А. Иванов // Моделист-конструктор. 1977. № 12. С. 25–26; *Головнин Ю. И.* Первый военный пароход «Ижора» // Судостроение. 1994. № 4. С. 57–60).

[3] *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров: Воспоминания. М.: Журнал «Наше наследие», 1996. С. 194.

[4] *Шереметев С. Д.* Мемуары графа С. Д. Шереметева. М.: Индрик, 2001. [Т. I]. С. 485.

[5] Всемирное слово. 2003. № 16. С. 93.

поспешим добавить, что он еще и пользуется своею красотою. <…> Нигде, может быть только еще в Берне, вывеска не выглядит так восхитительно, как здесь…»[6].

Однако при всей внешней «европейскости» Петербурга оборотная сторона его «планировочной симметрии» всегда сохраняла ощутимый «национальный акцент». Во второй половине XVIII века, когда на Невском формируется культурный и торговый центр, здесь почти одновременно оказываются построены храмы основных христианских конфессий. Град Св. Петра возникает на Невских берегах как столица Христианского мира, и потому закономерно, что его главная «першпектива» мыслилась наглядным примером созидания архитектоники христианского единства.

Петербург — открытый город. Эта устойчивая характеристика городского ландшафта воспринимается законной частью того культурного опыта, который был унаследован новой Российской столицей от имперского Рима. Вместе с тем очень важно обратить внимание на символические особенности планировки. Все «инославные» христианские храмы на главной городской магистрали выстраиваются «одной линией» слева, в то время как с правой стороны Невского доминирует православный Казанский собор[7].

Отмеченный оценочный факт выступает характеристикой мировоззренческого порядка. В системе планировочных решений исторического центра столицы оказались расставлены неслучайные смысловые акценты, так как приоритеты экономического партнерства не могли распространяться на равенство позиций в сфере духовной.

Столь же обманчивым должно было восприниматься многоязычие петербургских вывесок, о которой восторженно пишет Т. Готье: «Возможно, вы не знаете русского языка и форма этих букв, кроме орнаментального своего выражения, не имеет для вас никакого смысла? Но вот рядом вы видите перевод этих надписей на французский или немецкий языки. Вы еще не поняли? Тогда услужливая вывеска, прощая вам незнание этих трех языков, даже предполагая и тот случай, что вы вообще неграмотны, очень наглядно изображает те предметы, которые продаются в магазине.

---

[6] *Готье Т.* Путешествие в Россию (Vojage en Russie). М.: Мысль, 1988. С. 39.

[7] Этот принцип «безупречно» воплощен в пределах «Пушкинского Петербурга» — до Фонтанки. Подробнее об этом: *Летягин Л. Н.* Черновики и подстрочники петербургского текста // Жизненный мир поликультурного Петербурга: Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. Л. М. Мосоловой. СПб., 2003. Вып. 1. С. 150–155.

<…> Все это интересно фланирующему путешественнику и обладает особым колоритом…»[8].

Знаток петербургского быта М. И. Пыляев приводит интересные «диковинки» и курьезы из «литературы вывесок». В их числе будет немало обычных шрифтовых дублетов: «Фершельное заведение. Ferchelnoe Savedenies», «Рещик печатей, Rectik petchatee», или совсем просто — «Prodaja tabacu i rasnich tovaroff»[9]. «Полиграфичность» и «латиноподобие» — не новые способы заявить о своих приоритетах в конкурентных отношениях. На фоне графической соревновательности вывесок более забавно мог выглядеть только классический гоголевский пример «магазина с картузами, фуражками и надписью: „Иностранец Василий Федоров“…».

В профессиональной оценке изысков рекламы интересна не констатация тенденции, а опыт частных наблюдений: «Недостойное обезьянничанье господствует до сих пор и в столицах, и в провинциальных городах на вывесках. Особенно любят на иностранном языке печатать свои фамилии фотографы и кондитеры…»[10]. Не следует считать эти издержки рекламного продукта исключительно нашим явлением. Достаточно вспомнить «Краткий критический и анекдотический словарь вывесок Парижа» О. Бальзака, чтобы убедиться, что и на них можно было найти аналогичную «смесь французского с нижегородским».

«Зазорно вместо „яти“ „есть“ писати…» — предупреждает старая поговорка. В оппозиции охранительных установок и тенденций, ориентированных на «упрощение» языка и построение его «рациональной орфографии», почти неизвестными остаются предложения о кардинальной смене принципов национального буквенного письма.

Проекты «l'alphabet international» вдохновлялись различными идеями. Общим для лингвистов-непрофессионалов оказывался «решительный оптимизм», с которым они приступали к изложению своих концептов. Достаточно было освоить несложную авторскую терминологию: «языкостроение», «говорильные звуки», «сложнозвуковые буквы», «предзвук», научиться отличать «сверх-азбучные» и «приазбучные правила», а дальше — к «прорытию всемирного орфографического канала» и «единой

---

[8] *Готье Т.* Путешествие в Россию (Vojage en Russie). М.: Мысль, 1988. С. 40.

[9] *Пыляев М. И.* Старое житье. Замечательные чудаки и оригиналы. СПб., 2004. С. 563.

[10] *Фомин Д. Н., Прядкин С. Н.* В защиту буквы «ять». Воронеж: Тип. В. И. Исаева, 1900. С. 19, *подстр. прим.*

универсальной письменности»[11]. Курьезные рекомендации не следует во всем воспринимать скептически. Несомненно, что автор цитируемой брошюры вдохновлялся примером Иоганна Шлейера (идеолога VOLAPUKa)[12], а его первые предложения по реформе языка появляются в печати практически одновременно с Эсперанто Л. Заменгофа (1887). Многое в характере «лингвистических» построений проясняется местом издания. Воронеж 1880-х начала 1890-х гг. был своего рода центром изучения искусственных «мировых» языков (см. письмо Л. Н. Толстого к воронежским эсперантистам от 27 апреля 1894 г. Именно на этом социальном фоне возникает идея «всемирного орфографического канала»). Неслучайной оказывается и позиция другого автора, его «Predlogenie vseem Ruschim gramotnhim lüdeam»[13], если рассматривать теоретические изыски в системе побуждающих человеческих мотивов.

Несложно обратить внимание, что численный рост публикаций о реформе языка в рассматриваемый период в немалой степени определялся развитием в обществе революционных настроений. Поляризация мнений по этому вопросу определялась совсем не филологическими причинами.

Именно поэтому столь взвешенной и убедительной представляется позиция Валериана Чудовского, программная статья которого, открывающая апрельский-майский № «Аполлона» за 1917 г, появилась на самом переломе событий отечественной истории[14].

---

[11] *Беляевский А. П.* Алфавит из 31-й буквы: Проект установления международной письменности. Варшава: Тип. Окружного штаба, 1892. С. 17.

[12] *Беляевский А.* Азбука — VOLAPUK // Дон (Воронеж). 1888. № 35. С. 3–4; Он же. Общие руководящие начала для усовершенствования азбук всех языков и народов // Дон. – 1889. № 25. С. 2–3; № 32. С. 1–2. Кроме указ в прим. 11 определенный исследовательский интерес представляют и другие публикации автора: Сближение русских и французами посредством объединения их письменностей. Варшава: Тип. Штаба Варшавского военного округа, ценз. 1891; Новая русская письменность: Проект усовершенствования русских алфавита и письменности. СПб.: Тип. О. Кранц, 1896..

[13] *Кадинский К. М.* Predlogenie vseem Ruschim gramotnhim lüdeam: [О замене русского алфавита латинским. [СПб.]: Тип. Имп. Акад. наук, ценз. 1862. См. также: Кадинский К. М. Упрощение русской грамматики: Uproscenie ruscoi grammatichi [О замене русского алфавита латинским]. СПб.: Тип. Штаба военно-учебных заведений, 1842; Он же. Преобразование и упрощение русского правописания: [О замене русского алфавита латинским]. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1857.

[14] *Чудовский В. А.* За букву Ѣ // Аполлон. Художественно-литературный журнал. 1917. № 4–5. С. V-VII, VIII.

Основной смысл размышлений известного художественного критика выражал тезис о невозможности смешения понятий политической охранительности и консерватизма самой культуры. «*Преемственность родного языка, предание живого слова — святая святых, наследие веков, то, на что мы не смеем посягать, если хотим, чтобы от нас самих хоть что-нибудь осталось…*»[15]. Цитирование в современной орфографии этой пафосной мысли — не уступка ли тем необратимыми процессами, которые совсем скоро обозначат коренной «отрыв» от прошлого во всех сферах духовной жизни?

Упрощение в 1917–1918 гг. процедуры языковых коммуникаций сыграло свою роль как исторический соблазн, с очевидной приоритетностью простоты толкования выстроенных когда-то и выстраданных смыслов. Самые необратимые потери обозначились в отношении «революционных масс» к наследию художественной культуры — переосмыслении и забвении ценностей предшествующей письменной традиции. Переживаемый нами кризис литературного чтения определяется прежде всего неспособностью освоить собственную классику на ее классическом языке.

Этой проблеме был посвящен доклад, сделанный Д. С. Лихачевым десять лет спустя после проведения языковой реформы в кругу студентов-филологов и единомышленников по «Космической академии». Предложенная тогда система аргументации, включающая три основных ракурса проблемы — *утилитарный*, *эстетический*, *православный*, сохраняет свою актуальность до настоящего времени[16].

За свой юношеский труд в самом начале 1928 года (вместе с другими «академиками») Д. Лихачев был арестован. Заканчивался опыт свободного научного диалога и кружкового общения. А в следующем, 1929,

---

[15] Аполлон. 1917. № 4–5. С. V. Полемический контекст вокруг буквы «Ѣ», история вопроса о ее исторической роли и «утилитарной ненужности» с разной степенью полноты рассматриваются как в старых, так и в ряде современных изданий. См., в частн.: *Фомин Д. Н., Прядкин С. Н.* В защиту буквы «ять». Воронеж: Тип. В. И. Исаева, 1900; *Благовещенский.* О необходимости уничтожения буквы «ять» // Русская мысль. 1900. № 2; *Горохов А. Е.* Пора исключить букву «ять» из русского алфавита. Орел: Тип. Губернского правления, 1899; *Кистерова Е. К., Недашковская Н. Д.* Всё про «ять». Б.м., б.и., 2004.

[16] *Лихачев Д. С.* Тезисы доклада о старой орфографии // *Лихачев Д. С.* Статьи ранних лет. Тверь: Тверское областное отд-ние Российского фонда культуры, 1993. С. 6–14. См. также: *Канева К.* Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев о кириллице: «Самая совершенная в мире» // Кириллица и глобализирующийся мир (Материалы круглого стола). София, 2007. С. 128–134.

в специальном органе Нар. Ком. Проса «Главнаука» началась «проработка» очередного витка реформы языка, связанного с перспективой его «поэтапной» латинизации. На рубеже 1920-х — 1930-х гг. обращение к этой «интернациональной» идее приобретает статус культурной политики. Опубликованная в журнале «Источник»[17] в 1994 г. подборка архивных документов (сегодня они находятся в АП РФ) не способна была отразить реалии того времени во всей полноте. Масштабная акция кроме русского предполагала латинизацию целого ряда языков — татарского, бурятского и монгольского, ряда языков «младописьменных народов»[18].

Споры о реформировании алфавита и норм письма ведутся не «буквы ради». В периодической печати и нормативных документах «Главнауки» возникает образ «букв-лишенцев» («упраздняются буквы э, и, й, ъ…», «мягкий знак упраздняется…»). Данные определения легко включались в формирующийся новояз эпохи: «алфавитное строительство», «языковое строительство», «идеологически чуждая социалистическому строительству форма графики», «графические барьеры», Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита (ВЦКНА)[19]. А в результате… вся плановая деятельность по латинизации оказалась «свернута» одним ответственным волевым решением.

В этом политическом контексте резонно вспомнить о характерном историческом прецеденте. Как одно из средств решения «польского вопроса» в середине 1840-х гг. возникает «мысль о применении русской азбуки к польскому языку»[20]). К ее обсуждению были причастны такие видные администраторы николаевской эпохи, как гр. И. Ф. Паскевич-Эриванский, С. С. Уваров, ряд известных академиков. При этом делалось все, чтобы «не давать этому делу вида политического». Практическим результатом работы специально учрежденного комитета стало кириллическое издание «Образцов польского языка в прозе и стихах

---

[17] Проблемы «латинизации русского алфавита» / Публ. В. Денисова // Источник. 1994. № 5 (12). С. 99–106.

[18] *Хансуваров И.* Латинизация — орудие ленинской национальной политики. М.: Партиздат; Тип. изд-ва «Дерэмес», 1932; *Мударисова А. К.* Реформирование татарского алфавита в 1920–1930-е гг.: Автореф. <…> к. ист. н. Казань, 2001; *Базарова В. В.* Латинизация бурят-монгольской письменности в 1920–1930 гг. Улан-Удэ: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2006.

[19] Источник. С. 101, 103.

[20] О предположениях заменить в польском языке латинский алфавит русскою азбукою. [СПб., 185-?]. 19 с. (Секретно).

для русских»[21], мотивированное «благовидным предлогом» преодоления графических трудностей при знакомстве с литературными образцами. (Экземпляр этого весьма редкого «экспериментального» издания имеется в собрании РНБ).

Вместе с тем именно «графические барьеры» можно считать одним из условий выражения многообразия культурного опыта. К чему мог привести опыт «латиномудренников» от Наркомпроса легко проиллюстрировать массой реальных и гипотетических примеров (представим выпускника советской трудовой школы, который в год юбилея мировой революции, проходя с экскурсией по улице Стокгольма, на вывеске аптеки натуральных продуктов прочтет сходу на «родной» латинице: «N A T U R A P O T E K E T»).

Пренебрежение диакритическими характеристиками национальных алфавитов неизбежно приводит не только к «стечению» комических положений, но и возможности самых провокационных атрибуций. Для элементарного опознавания «своих» знаков на фоне унифицированного письма приверженцам латинизации можно было бы предложить практическую рекомендацию их предшественников: «При всеобщем употреблении одних и тех же букв и шрифтов — письмо и печать разных народов могла бы разнствовать [для того, чтобы знать, на каком языке читаем] только цветом чернил и красок или же особым знаком, выставляемым в начале книги»[22].

Смысл знакового письма — в преодолении информационного шума. Сохранение в рукописном или печатном тексте потенциала графических различий выступает условием поддержания самостоятельных традиций, и только в этом случае — возможности их культурной «конвертации». Каждая буква алфавита обладает как смысловой, так и ценностной атрибутивной функцией, и любые тенденции к унификации графики ведут к обеднению культурного диалога.

Неразличение совпадающих на письме знаков очень часто выполняет роль «ложного друга». Подобная ситуация воспроизводится Агатой Кристи в «Восточным экспрессе» (1934). В уликовой парадигме романа важное место занимает платок с литерой «Н», именно этим определяется наиболее вероятный круг подозреваемых лиц. Вне поля зрения Эркюля

---

[21] *Дубровский П. П.* Образцы польского языка в прозе и стихах для русских, изданные П. Д. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852.

[22] *Беляевский А.* Азбука — VOLAPUK // Дон (Воронеж). 1888. № 35 (от 24 марта). С. 4.

Пуаро и других участников расследования оставалась русская княгиня Драгомирова. Ее признание только усложнило общее положение: «Я полагаю, мсье, <…> что у вас находится мой платок <…>. Но, княгиня, ведь тут вышита буква Н, — сказал мсье Бук, — а вас зовут Natalia. Княгиня смерила его холодным взглядом: — Правильно, мсье. Но мои платки всегда помечают русскими буквами. По-русски буква читается как N…»

Культурная атрибуция знака — необходимое условие вхождения в знаковое пространство. В качестве иллюстрации приведем один реальный «жизненный» эпизод. На экскурсии в одном из северных монастырей мальчик лет десяти, сопровождавший родителей, оказался в затруднительном и весьма комичном положении, когда, добежав до скромного строения у монастырской ограды, не увидел на его стене привычных «ориентиров». Единственным указанием служили буквы «Б» и «С», что вполне соотносимо с христианским представлением о «братьях и сестрах». После некоторой заминки, вызвавшей понимающие улыбки взрослых, ребенок продолжил движение туда, где было «предупреждающе» выведено «С». Его аргументация была по-своему убедительна и определялась простым выбором: «С» — это «сильные»…

Нелишне напомнить, что *в чужой монастырь со своим уставом не ходят*. Именно в этом, наверное, и заключается культурное назначение УСТАВНОГО письма, смысл которого определяется не только характером буквенных начертаний. В пределах системы «строгого письма» повышается значимость инициалов, когда каждая начальная «буквица» инициирует новое содержательное качество. Как графическая система Алфавит не просто совокупность знаков. Подчеркнутую смысловую напряженность кириллическая Тайнопись приобретает в «Алфавите духовном», в духовных стихах и «Азбучных молитвах», в которых каждая «скрипта» мыслится и понимания как «крипта».

Вопрос о символическом основании алфавита не раз привлекал к себе внимание исследователей. Н. Ф. Грамматин один из первых позволил робкую догадку: «Я нашел, что Славенская азбука, кроме простого названия букв, заключает в себе смысл…»[23]. Это предположение, потерявшееся

[23] *Грамматин Н. Ф.* Слово о полку Игоревом. Историческая поема, писанная в начале XIII века на славенском языке прозою, и с оной переложенная стихами древнейшего русского размера, с присовокуплением другого буквального переложения, с историческими и критическими примечаниями, критическим же рассуждением и родословною [и Суд Любуши Николая Грамматина]. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. С. 113.

в корпусе обширных авторских комментариев к «Слову о полку Игореве», обратило на себя внимание А. Пушкина. Оправданное недоверие к интерпретации азбуки как панграммы не подменяло интереса к существу вопроса, о чем, собственно, и свидетельствуют выписки, сделанные поэтом: «Буквы, составляющие славенскую азбуку…»[24].

Мир осваивается через букву — в этом непреходящая ценность алфавита, сохраняющего *свой* порядок, соотносимый с порядком и стройностью национального мышления. Именно поэтому азбуку неверно было бы рассматривать как «открытую» систему.

Преимущественным аспектом рассмотрения кириллицы была и остается ее просветительская роль. Однако кроме «Традиции Прометея» в истории ее культурного функционирования не менее значимой представляется качественно иная посредническая модель — «Линия Гермеса»[25]. Именно в единстве «просветительского» и «герметического» начал раскрывается действительное назначение буквенного письма, его отношение к культурной памяти и «потаенному знанию».

В истории славянства обращают на себя внимание символические пересечения судеб: 862 г. — основание российской государственности, 863 г. — предполагаемая дата создания кириллицы и 864 — крещение Болгарии.

Интересный пример ценностной конвертации культурных значений, их многоуровневого перевода сохраняет надпись на Памятнике Тысячелетию России в Великом Новгороде (рис. 1). На щите Рюрика дата призвания варягов дана не от Рождества Христова, а в летоисчислении от Сотворения мира (6370). Привычное написание цифр=букв, характерное для Допетровской Руси, в этом случае приобретает идеографическое значение, смысл которого оказывается больше обычного хронологического указания.

лѣта

҂ѕт҃о

Буквы «Зѣло – Твердо – Онъ» не просто «числятся». На геральдическом щите они слагаются в «утвердительную» сумму скрижальной памяти, а сам смысло-образ акцентирует свои побуждающие качества.

---

[24] *Пушкин А. С.* С. с.: В 10 т. М.: Художественная литература, 1976. Т. VII. С. 302.

[25] Данная мировоззренческая оппозиция была предложена к обсуждению на конференции «Образование и тайна. Прометей и Гермес: две стратегии», организованной проф. К. С. Пигровым в ноябре 2004 г. в Санкт-Петербурге.

Основательность и прочность изначальной идеи российской государственности обретает статус пред–начертания, в контексте которого столь же убедительными оказываются другие «персонифицированные» моменты прошлого. Развернутая презентация моделей исторического поступания определяется их внутренней целостностью, предвосхищенностью в пределах за–данных семантических границ.

Несомненно, что языковая идентичность выступает условием формирования идентичности культурной. Предложенный пример атрибуции позволяет напомнить об укорененности образа кириллической буквы в национальном мироощущении.

Отношение к языку как культурному наследию формирует «чувство следа», выступает мерой и критерием нашей *последовательности*. Именно поэтому любые примеры языкового поведения необходимо рассматривать в широком контексте поведенческих практик.

Об этом в эмиграции, оторванный от России, размышлял Иван Бунин. Трагически переживаемое им рассеяние национальных судеб в авторском сознании исправлялось напутствующими и созидательными примерами прошлого: «*все-таки снова и снова собирали раздробленное, снова воздвигали все те же самые уставы, ибо снова и снова гремели из мглы и туч омраченных высот все те же страшные, но и утешающие, указующие спасительный путь глаголы…*» [26].

Обращение к истории бытования кириллической азбуки позволяет сделать убедительный вывод, в какой степени изучение языка становится изучением культуры. Для каждого из нас это еще и риторический вопрос о том, *чем* связаны в *большом времени* «культура в послании» и культура «до востребования».

[26] *Бунин И. А.* Воды многие // Бунин И. А. С. с.: В 9 т. М.: Художественная литература, 1966. Т. V. С. 317. В первой публикации (Берлин, 1925 г.) цитируемый отрывок текста имел символическое название «Вечные скрижали».

Рис. 1